

НА ФРОНТАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ГОЛОС МАТЕРИ

Ужасна эта ночь была:
Трепетали стены, буре выла...
Мне тамеша на сердце легла
И, как синица, его давила.

— Истает, брати, Славик... в мой сонный слух

Слова из буми долетели,
И бесповоротный смутный дух
Поднял меня с моей постели.

Я глянула в темноту, и мне
Принадлежит, что там высоко
Перед окном, в вышине,
В полне качающееся тело.

Я ужаснулась: — Это ты! —
— Сидишь дома! — внявший крикнул.
Рукою теплою темноты
Ловил я, бормоча к стеклу прищипнул.

— Мне почудилось, что — вот
Я в Киев... Псы сторожей
Грызут... Намек сторожей
Повисел... безлюдная площадь...

Мне сладко житье отдалось,
За свой народ, за счастье краи...
Бросилась и вилась...
Потом ножом перерезала.

На землю брата я кланя
И сердце слушаю внемлю,
И слышащий, в бреду
Хрипит он: — Милень, дружи! Милень!

Тут маме выстрелил по мне,
И в прорезанной дожде в крышу...
Так это было лишь во сне!
Мне душно!.. Я из дома вышел.

Но тамеша на сердце легла
И, как синица, его давила.
Ужасна эта ночь была!
Деревья гнулись, буре выла...

— Тобя, мне кто-то молвил адрут
Своей буре шум... и разбудил.

Но спи! Пусть бодрствует твой дух.
Как сонно, шуми нам сна!

Идут друзья твои на бой,
Их тысячи, их миллионы.
Пусть адрируют их голоса твои
И победа растет неприменно.

Вослед полкам спомнит война,
Чтоб правду раздала орду.
Дей на огонь твоих стрел,
Что заминался в твоей правде!

Умал ты слез и глуми! Вспомни!
Вот те, кто умер, в край свой вера.
Они замучены! Прощай им
Нас всех замученного вера!

Смотри, что делает злодей!
Повисел на канатах эсер...
Сытую любовь черной
В свой стих, гляди, убиты дети.

А матери их — растопили,
Отцы ихими зарыты в землю...
Печуется боль родной страны...
Тогда лишь а тебя примем!

Ведь ты остался молодым,
Вослед же гнев родного края!
Сегодня а сына своим
В огне а буре лик являю.

Будь тверд а кромок, как алмаз,
Забудь обманчивую нежность!
Тому, кто облебен хоти раз,
Я во второй раз не являюсь!

Ты услышишь мой голос! Я —
Воскресшая тебя, как сына...
Страна советская твоя,
Твоя родина Украина!

— И застенко а проволока,
И стило... Утро наступило...
Линь а туча молний дул зыгм
Сверлил, как будто а небесах
Мать а сыну руи простирала!

Перевод с украинского Дм. КИДРИН.

Ожесточенные бои на подступах к Воронежу

(От специального военного корреспондента «Правды»)

Вот уже четырнадцать суток длится ожесточенная и тяжелая борьба в Воронежской области. В течение этих суток происходили крупные танковые сражения, в которых действовали массы боевых машин, заминались воздушные бои.

Под натиском превосходящих сил противника, которые ему удалось накопить на решающих участках, части вынуждены были отойти на новые оборонительные рубежи. Отойдя, они продолжали упорно бороться. Мы подошли к важному оборонительному рубежу и здесь закрепились. Немцам удалось перебросить танковые и мотомеханизированные группы лишь в двух-трех местах, где находились переправы. Эти группы и устремились на Воронеж с целью овладеть им.

Каждый метр продвижения стоил немцам больших потерь. И все же они не могли задержаться в занятых пунктах. Наши части непрерывно контратаковали врага. Населенные пункты, как и в первые дни ожесточенного наступления, по несколько раз переходили из рук в руки. Заняв днем деревню, противник вынужден а рассвете ее покинуть.

Сотни бомб, тысячи снарядов выискует противник во вышних переделах позиций. В боях а четырех деревнях фашисты за несколько дней потеряли двадцать семь танков, двенадцать самолетов.

Противник занял на-днях часть одного крупного населенного пункта, откуда его надо выжить во что бы то ни стало. Его надо отбросить за Дон. Вчера наши отдельные части предприняли контратаку.

Сегодня они с успехом продолжили контратаковать. В ходе боя под ударами наших бойцов противник начал отходить а западном направлении, прикрываясь сильными артиллерийскими и минометными огнем. В этих контратаках хорошо действовала танковая часть тов. Корчагина. В первой же атаке танкисты подразделения тов. Немировича три противотанковых орудия, микометную батарею и уничтожили около ста пехотинцев солдат и офицеров. Танкисты продолжают свои контратаки. С исключительной стойкостью дерутся бойцы тов. Якубенко. Они неслучайно вырвались в расположение противника а вынужден его отступать. Бои ведутся не только днем, но и ночью, прерываясь лишь снайперскими атаками.

Мы уже сообщали, что германские командующие несли огромные потери, понесенные западные Воронеж, вынуждены срочно подтягивать резервы из глубоких тылов. Во многих немецких ротах осталось по тридцать-сорок солдат, а в полках — по две-три роты. Многие дивизии не насчитывают а своем составе и полного полка. Немцы танковые соединения, потерявшие до трети машин. Эти потери — результат четырнадцатидневного наступления немцев.

Однако положение на этом участке продолжает оставаться весьма серьезным. Враг специально производит перестройку своих сил, готовясь а новым ожесточенным атакам.

Я. ЦВЕТОВ.

Воздушные бои на Калининском фронте

Десять против семидесяти пяти

КАЛИНИНСКИЙ ФРОНТ. 11 июля. (Спец. воен. корр. «Правды»). Над линией фронта заминаются крупные воздушные бои. Замечательную победу одержали летчики части майора Осмакова в бою с противником, численно превосходящим наши силы а соотношении 1:10.

В полдень десять истребителей, ведомых старшим лейтенантом Романом Шеховцовым, боролись на равных с полдюжиной немецких истребителей. Показались немцеве бомбардировщики «Юнкерс-88». Они шли густой волной в количестве тридцати самолетов.

Наши истребители, быстро набрав высоту, ринулись им навстречу. Разбита строй вражеских машин и «сосудов» несколько «Юнкерсов», они стали стремительно атаковать их со всех сторон.

Командир группы Шеховцов ловко маневрировал а жестким огнем сблизил один «Юнкерс». Противник сбитые секунды, как он уже атаковал второй самолет.

Под натиском наших истребителей немцы были вынуждены сбросить бомбы где попало и повернуть назад, не достигнув цели. Но вслед за первым эшелоном показались новые волны немецких бомбардировщиков. На этот раз бойцы наши боевые порядки шли тридцать «Юнкерс-88» под прикрытием пятнадцати «Мессершмиттов».

Истребители ринулись в бой. Шеховцов тратил со званием немецких самолетов. Исполняя замечательные качества своей машины — ее маневренность и сильное оружие, — он сблизил еще один вражеский самолет.

Превосходное искусство истребителя показывал младший лейтенант Тимонченко. Он зашел немцу в хвост и атаковал его с такой стремительностью, что тот, спасаясь от преследования и быстро теряя высоту, врезался а землю.

Двадцать минут продолжался этот бой, в котором одержала верх отвага и высокое боевое мастерство советских истребителей. Летчики Мелашенко, Спиров, Боровых и

Савченко были по одному ранеными в самолет. Замысел фашистского командования был сорван — бомбежка не удалась. Обратно а бегство 75 немецких самолетов и уничтожили семь из них, наши летчики возвратились на свой аэродром без потерь.

23-летний Роман Шеховцов, в прошлом ученик Харьковской школы, а эти дни совершил десятки вылетов, сопровождавшихся жестокими воздушными боями. Недавно он вел шестерку и встретил разлетаться немцев бомбардировщиков. Шеховцов вместе с лейтенантом Бугай атаковали их на встречных курсах. Шеховцов сблизил командира вражеской группы. Двух бомбардировщиков сблизил его товарищ.

Когда горючее было уже а некоем, по-прежнему посматривая «Мессершмитта», которые пытались атаковать шестерку Шеховцова. Но он опередил намерения немцев: сблизил глубокий разрыв, он вместе со своим ведомым пошел на брежном полете. «Мессершмитты» начали нырять а большой высоте. В этот же миг Шеховцов и его летчик «сочек» бросились вверх, открыли огонь из пушек и пулеметов и сблизил три немецких машины.

Этот воздушный бой закончился со счетом 6:0 в пользу советских истребителей. Только за три дня боевых действий летчики части майора Осмакова сблизли двадцать пять немецких самолетов и шесть самолетов подбили.

Важно отметить, что Шеховцов и его боевые друзья летают отнюдь не на новейших машинах, а тем более показывая результаты их встреч с противником. Высочайшая тактическая подготовка, взаимная выручка а бою и умение выжить все возможное из своей техники, — вот что приводит к победе пилотов майора Осмакова.

Н. МИХАЙЛОВСКИЙ.

МАСТЕРСТВО ЛЕТЧИКОВ СОВЕТСКОГО СЕВЕРА

Сотни фашистских самолетов уничтожены сталинскими орудиями Советского Заполярья. Этот счет с каждым днем растет. Крепнут наши удары по врагу. На-днях наши летчики нанесли удар по фашистскому аэродрому. Метким попаданием футасным и зажигательными бомбами они поразили взлетные площадки а аэродроме, зажали аэродромные постройки. Фашистские самолеты не могли подняться в воздух. В это время нагрянули наши штурмовики и истребители. На аэродроме вспыхнули пожары. Через три часа наши летчики повторили налет, уничтожив а повороте 15 вражеских машин и не потеряв ни одной своей.

О том, насколько велики потери немцев а авиации на Севере, свидетельствует следующее. Только а последние три дня а одном участке фронта фашисты потеряли 16 самолетов. Десять из них сблизили зенитчики, пять — летчики и один — отсеченные бойцы пехоты, которым командует старший сержант Хаов.

Редакция газеты «В бой за родину».

МАСТЕРА

(От специального военного корреспондента «Правды»)

КОМИССАР ЧАГИН

Воздух дрожал от гула моторов. Немцы самолетов было двенадцать восемь. Вокруг, а ту минуту Николай Чагин не мог точно сосчитать их. Лишь потом, когда все уже кончилось, — приближался этот беспримесный бой с немцами, Чагин, что немцы было двенадцать восемь. А тогда он видел только, что их много, очень много, а он был совсем один. Так уж случилось. Он знал, что а воздухе уже ждала радиостанция, что на земле трещали телефоны, что красноречивые машины уже пылали на аэродроме, выжидая на остервенении горючего а через несколько минут бунт адез. Он знал это, знал, что друзья ждут на помощь, он чувствовал их у себя а плечах, как восста, что бы он ни был а что бы ни делал.

Он и знал и другое: несколько минут было вполне достаточно для того, чтобы эти двенадцать восемь немцев нах городом неинтересной бедой. Что будет тогда, — Чагин и думать не хотел, — этого вообще не могло и не должно было произойти. Он обязан задержать эту чернокоростную армаду, рассадить ее, не пропустив, ни а ком случае не пропустить а городу! И он развернул свою машину и врезался а ствол врагов, — сальс а кампу, как говорят летчики.

Вот, что произошло потом, очень трудно рассказывать, вернее, трудно разложить на отдельные элементы. Это было какое-то сплошное взрывное крушение. Трассы очередей пересечивались поперек его кабины, пох фюзеляжем, вокруг плоскостей. Минимум Чагина шла в огненном ливне. Он бросал ее влево, вправо, вверх и вниз, чтобы представлять собой как можно менее удобную мишень.

Его атакуют со всех сторон, у него работало а глазах от пестрых пучков трасс, но он и сам называл. Отравив очередей атаку двух «Мессершмиттов-110» и одного «Мессершмитта-109», он вышел из атаки в непосредственной близости от «Юнкерса». Тяжелый бомбардировщик шел, гремев своими двумя моторами и широкой распорной лопой колес.

— Бить! — мгновенно решил Чагин. Но как? Они шли совсем рядом, и не пулей стрелять по врагу невозможно. Если начать разворачиваться на атаку, — немец улетит, а он был совсем рядом, возле самой плоскости чуждой машины. Мастерство летчика состояло не только в технических летных элементах, но и в умении, еще более тонком и сложном. Оно заключалось в умении обогнать, в одном мгновении прыгнуть и отбросить три-четыре варианта движения и выбрать пятый, у которого глаз, технический опыт, нерв и рука слыли в единый, бескомпромиссный и мгновенно действующий механизм.

Только одно мгновение отделяло появившегося бомбардировщика рядом с Чагиной машиной от движения летящей на штурвал руки и ног, нажавших во всю силу на педали. В следующее мгновение Чагин уже наклонил левое крыло и ударил по «Юнкерсу» по хвосту. Бомбардировщик вздрогнул и рухнул а землю. Таран был произведен столь искусно, что крыло чужеской машины получило лишь незначительные повреждения. Он ушел — уже на равной высоте — уйти от атаки пяти немцев истребителей и вернуться на свой аэродром. Дело было сделано. Враг был деморализован. Уже подождали наши самолеты, и немцы повернули от города вспять.

И видел, как на другой день взлетел по тревоге, впереди своей эскадрильи, комиссар Чагин. Крылья его машины были разбиты. Вновь посланная плоскость — вместо поврежденной при таране — еще не успела поправить. Провзвучал сигнал тревоги, и Чагин ушел на своем пестром, огненно-лазменном самолете в воздух.

2.

СТЕПАН ГАВРИЛОВИЧ

Он выглядел, как это говорится, средним человеком. Обыкновенное русское лицо, очень светлые волосы, и фамилия была обыкновенная: Иванов. Степан Гаврилович Иванов. Глядя на него, мало кто подумал, что а будничной, спокойной этой внешности скрывается темпераментный горячий боец, великий воздушный тактик, мастер высшего класса. Десять сбитых им самолетов врага — это девять увлекательных и поучительных историй, девять предметов уроков для летной молодежи, которую командир эскадрильи любезно пестует.

Я рассказываю одну из этих историй, — и не потому, что она эффективнее других, а потому, что в ней с наибольшей яркостью обнаруживаются прекрасные качества Иванова: тактическое мастерство, холодный точный расчет, так удивительно сочетавшийся а нем с пылкостью напористости боя.

Было десять часов утра. Погода стояла ясная. И вот а это ясное утро случилось так, что Степан Гаврилович неожиданно оказался один против четырех вражеских истребителей. Угроз их, он подлая фонарь кабины. Это означало, что капитан Иванов начал бой. Он вошел так резко, что перед началом боя. Пеллузиди срабатывает контуры, а Степан Гаврилович по всем любит четкость. Он должен примечать малейшее движение врага, даже намека на движение, зародил его, чтобы разгадать и предупредить планы противника.

Вот и сейчас намерения немцев ему ясны. Двое идут в атаку с двух сторон, двое охраняют их сверху. Это чрезвычайно удобно для атакующих и чрезвычайно неудобно для атакуемого. Надо, чтобы бы-

Карельский фронт.

В ОГНЕВОМ МЕШКЕ

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ. 11 июля. (Спец. воен. корр. «Правды»). На участке подразделения, где командиров тов. Друженико, группа немецкой пехоты, вооруженная пулеметами и автоматами, выжидала боем разбросать снаряды и расстреливать наши отряды снарядов. Переходили наши доты а ночном полукруге замечательные передовые фашисты. Но бойцы не открывали огня, выжидали, пока немцы приблизятся, чтобы том зоркой ударить по ним.

Л. МИТЧИНСКИЙ.

Митинг на заводе № 70 им. Владимира Ильича, посвященный вручению переходящего Красного Знамени Центрального Комитета ВКП(б).

Вручение переходящего Красного Знамени Государственного Комитета Обороны заводу «Красный пролетарий». На сцене: в центре со знаменем директор завода тов. Таранченко.

Фото М. Овсегина.

